

ALEYNIKOVA Lubov' Germanovna, Head of a section at the Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; lubal69@mail.ru).

MEL'KOV Sergei Anatol'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor; Head of Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; 304304@mail.ru).

MIKRYUKOV Vladimir Olegovich, Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor, Head of the Chair of Advertising and Public Relations, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; mikryukov.v.o@gmail.com)

PERENDZHIEV Aleksander Nikolaevich, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Senior Lecturer at the Chair of State and Municipal Government, Civil Defense Academy EMERCOM of Russia (bld. 1 Novogorsk microdistrict, Himki, Moscow region, Russia, 141435; 000212@mail.ru)

THE THEORY OF GUERRILLA: A CONTINUATION OF THE THEORETICAL PROBLEMATIZATION

Abstract. The article considers the book of the German political philosopher of the 20th century Carl Schmitt «The theory of the guerrilla» (the subtitle of the book reads as «Intermediate remark to the concept of the political»). The book is developing and nourishes new facts of the concept of the political, which was previously developed by Carl Schmitt in his famous work «The Concept of the Political».

The authors formulate their attitude in general to the theory of the guerrilla (partisan) and form their attitude to such well-known political characters like Salan, Lenin, Mao Tse Tung, Che Guevara. This article is prepared within the framework of the scientific school «Public Policy and Management», functioning at the Civil Defense Academy EMERCOM of Russia on a regular basis.

Keywords: armed nation, guerrilla, irregulars, partisans, political involvement, terrorist

УДК 323

ГАХРАМАНОВ Сурадж Афган-оглы – аспирант кафедры философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; surag7@rambler.ru)

ТОТАЛИТАРНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и бизнеса в тоталитарных государствах – Италии, Германии и СССР. Выявлены общие черты и отдельные различия во взаимоотношениях власти и бизнеса. Определены особенности влияния взаимоотношений власти и предпринимательства на развитие теневой экономики в СССР. Автор приходит к выводу об особо сложном положении предпринимательства в СССР в сравнении с тоталитарными европейскими государствами по причине сугубо «левого» происхождения советского тоталитаризма. В статье отражены такие факторы во взаимоотношениях власти и бизнеса в СССР, как коррупция, масштаб территории страны.

Ключевые слова: власть, бизнес, тоталитаризм, теневая экономика, корпоративизм, антисемитизм

Модели взаимоотношений государства и бизнеса могут быть различными [Дахин 2010: 4]. Этот тезис в полной мере подтверждает и практика государств с тоталитарным государственным режимом. По нашему мнению, примеры фашистской Италии, гитлеровской Германии и СССР в полной мере свидетельствуют именно об этом.

В Италии фашистский режим многими воспринимался изначально как некий суперконсервативный ответ на усиление левых в Европе [Иоанн 1995: 287-289]. В итоге в Италии было создано корпоративное государство. Его основополагающим документом являлась «Хартия труда», опубликованная 21 апреля 1927 г. Большим фашистским советом. Означенный нормативно-правовой акт отождествлял «корпоративное государство» с фашистским, причем корпорации выступали как институты социального партнерства и «классового сотрудничества». Исследователи справедливо отмечали, что указанный «документ не отменял капиталистический способ производства, но за государством сохранялись функции целеполагания и контроля над экономической сферой. Причем “Хартия труда” разрешала прямое вмешательство государства в экономику. И наемный рабочий, и собственник производства, согласно Хартии, должны были выполнять одну и ту же задачу – обслуживать интересы нации. Это выступало основой единства двух экономических классов» [Гермаш 2010: 26].

Таким образом, свобода предпринимательства в Италии в рамках фашистского государства имелась, но была существенно ограничена государством, и представители бизнес-сообщества не имели легальных рычагов влияния на высшую государственную власть. То есть, бизнес существовал постольку, поскольку он содействовал интересам нации в понимании политической элиты либо не противоречил им.

Относительно национал-социалистической Германии упомянем в первую очередь, что *NSDAP* не являлась столь же «правой», как сторонники Б. Муссолини. В партии до ее прихода к власти имелось немало сторонников «левого фашизма» – иначе говоря, последователей идей о необходимости соединения воинствующего немецкого шовинизма и антисемитизма с требованием принять меры против крупного капитала. Главный теоретик указанного течения Отто Штрассер высказывал идеи о необходимости превращения основных предприятий и фирм в совместную собственность государства, бывших владельцев и работников. Даже после его выхода из *NSDAP* немало последователей «левого фашизма» остались в партии и занимали руководящие посты в *SA (CA)* [Хавкин 2014: 187].

В целом программа *NSDAP* предусматривала создание «сословного государства», причем сословия, по существу, являлись аналогом фашистских корпораций. Именно так появились «имперские сословия» (промышленности, ремесла, торговли и т.д.). Впрочем, нельзя не отметить, что правительство А. Гитлера не пошло по пути итальянских фашистов, создавших специальную Палату корпораций. «Не приняло оно и план перестройки хозяйства в духе “сословного государства”, предложенный консерваторами Францем Зельдте и Францем фон Папеном, опасаясь, что он даст слишком много власти предпринимателям, которые окажутся во главе “сословной организации”». Роль корпоративного органа в нацистской Германии играл Немецкий трудовой фронт во главе с Робертом Леем, объединивший рабочих, служащих и предпринимателей – “всех немцев, работающих головой и руками”. Для предотвращения трудовых конфликтов вводились “социальные суды чести”, которые разбирали случаи нарушения “социальных обязанностей” как работниками, так и предпринимателями. Проводились производственные соревнования и конкурсы» [Хавкин 2014: 188-189].

В экономической сфере *NSDAP* отказалась от «левых» лозунгов, объективно направленных против крупных промышленных и финансовых групп, и пошла с последними на компромисс. 15 июля 1933 г. был создан Генеральный совет германского хозяйства, в функционировании которого принимали участие крупнейшие германские предприниматели. При этом были расширены права министерства экономики в осуществлении контроля над кредитами, ценами, а также созданием новых монополистических объединений. В соответствии с текстом

закона об экономических мерах (от 3 июля 1934 г.) ведомство министра экономики (руководил им Я. Шахт) стало центром регулирования внешней и внутренней торговли, а также ценообразования. Позже было проведено также укрупнение хозяйственных структур. «По существу, перестройка экономики с помощью государства означала перераспределение ресурсов в пользу могущественных групп тяжелой промышленности, электроэнергетики и химии. В 1936 г. управление хозяйством перешло в руки другой группировки — “администрации четырехлетнего плана” во главе с Германом Герингом» [Хавкин 2014: 189].

Никак нельзя в контексте настоящей статьи обойти вниманием и вопрос об «ариизации» капитала. В ее рамках шел процесс вытеснения этнических евреев из германского бизнеса. Так, после прихода А. Гитлера к власти банки в срочном порядке «очистились» от еврейских директоров и управляющих [Боннел 2014: 177]. После Хрустальной ночи 1938 г., а также позднее на оккупированных территориях еврейский бизнес мог существовать, по сути, лишь в рамках гетто. Действовать он там мог лишь постольку, поскольку не мешал властям оккупированных территорий.

Таким образом, можно указать на следующие особенности взаимоотношений государства и бизнеса в нацистской Германии. Во-первых, как и в Италии, активность бизнеса была существенно ограничена государством. Во-вторых, в отличие от Италии, нацисты не пошли на создание корпораций, но пошли именно на непосредственное государственное руководство бизнес-сообществом. В-третьих, бизнес в Германии мог функционировать самостоятельно лишь до той поры, пока его действия не противоречили планам *NSDAP*.

Что касается СССР, то ситуация с бизнесом, равно как и его взаимоотношения с властью, отличались от описанных нами выше итальянского и германского вариантов. Прежде всего, это связано с изначально «левым» характером советского социализма. Впрочем, был и период, когда советская власть вынуждена была пойти на допущение частной инициативы в экономике, а именно период нэпа, и даже после его свертывания отдельные ростки частного предпринимательства оставались. Общеизвестно, что легальная индивидуально-трудовая деятельность (то есть, по сути, то, что сейчас попадает под понятие «индивидуальное предпринимательство») в СССР дозволялась. В Конституции СССР 1936 г. декларировалось, что «наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда»¹. Исследователи упоминают также, что «официальное предпринимательство в СССР непосредственно регулировалось Правилами регистрации некооперативных кустарей и ремесленников, утвержденными Постановлением Совета Министров СССР. Но более масштабным явлением в советской хозяйственной жизни было неофициальное предпринимательство, хотя оно и преследовалось уголовным законодательством, в соответствии с которым наказания за данный вид хозяйственной активности были крайне суровыми» [Андрюхин 2011: 54].

Основной формой экономической преступности в постнэповском СССР сначала считалась спекуляция. «Несмотря на массивную борьбу Советского государства со спекуляцией, вступившую в новую фазу после принятия специального закона об усилении борьбы с этим видом преступлений в 1932 году, она сохранялась, приспособившись и видоизменяясь в условиях неблагоприятной

¹ Положения о выборах в Верховный Совет СССР. — Конституция Союза ССР и Союзных Республик с приложениями. М.: Изд-во «Власть советов» при Президиуме ВЦИК. 1937. С. 6.

для нее политической и правовой обстановки, в том числе и в период Великой Отечественной войны» [Богданов 2013: 65-66].

Нельзя не признать, что масштабы неформального предпринимательства в 1930–1950-х гг. были весьма велики. Существенную часть втянутых в него составляли жители сельской местности, а также частного сектора в городах. Именно они во многом снабжали население городов продовольствием в голодные годы, результатом чего стало появление весьма обеспеченных по советским меркам людей, проживающих на селе и в городском частном секторе. Известный нижегородский историк Е.В. Кузнецов писал об этом следующее: «Можно поставить и другой вопрос: действительно ли город при советской власти грабил деревню, жил за ее счет? Думается, что нет. Многое из того, что было потеряно селом в первой половине 1930-х гг., оно вернуло в первые годы 1940-х, в годы войны» [Кузнецов 2008: 44]. Важно, впрочем, подчеркнуть, что вернуло оно не столько благодаря государству, сколько вопреки ему. Отметим также, что сильный удар по этой части стихийного советского предпринимательства (а также и по некоторым другим промыслам, существовавшим достаточно длительное время) был нанесен в конце 1950-х гг. Н.С. Хрущевым [Жданов, Устинкин 2008: 111; Устинкин, Белоус, Гинзбург 2012: 131].

Впрочем, предпринимательство в СССР, разумеется, не исчезло. Перекосы советской экономики, выразившиеся в нехватке многих товаров для потребителей, стимулировали развитие теневой экономики. «Из легального сектора экономики предпринимательство практически было изгнано (если не считать остатков индивидуально-ремесленной деятельности) и перешло на нелегальное положение, переместившись в теневую экономику» [Паевская 2015: 201]. Масштабы последней существенно росли: так, наличествуют сведения, согласно которым в начале 1960-х гг. объем теневой экономики составлял от 3 до 5 млрд руб., а уже к началу перестройки в СССР – до 90 млрд руб. (отчасти теневая экономика содействовала нарастанию социально-экономического и политического кризиса в СССР [Новиков 2015: 6; Пахомова 2015: 30; Устинкин, Тимофеев 2012: 172]).

Важно отметить, что «предприниматели той поры активно использовали многочисленные нехватки, существовавшие в советской экономике. Часто они занимались спекуляцией дефицитом под вывеской колхозной или коммиссионной торговли, а то и просто “с рук”. Широкое распространение имело нелегальное предоставление частных услуг: портновских, зубоврачебных, автосервисных, строительных и др.» [Успенский 2013: 60]. В нынешних реалиях такого рода деятельность ни в коей мере не причисляется к противозаконной.

По причине низкого качества советской продукции, равно как и отставания многих советских изделий от модных тенденций, пусть и не сразу, но все же доходивших до советских людей, получила распространение и нелегальная торговля с иностранцами, которую стали именовать фарцовкой. Небезынтересен и тот факт, что первоначально занятие фарцовкой было относительно безопасным. Исследователь данного феномена Д. Васильев справедливо отмечал, что «можно даже пойти дальше и утверждать, что занятие фарцовкой в то время было практически безопасным, несмотря на явное противоречие, в которое вступал фарцовщик не только с законодательством СССР, но и с государственной идеологией» [Васильев 2007: 34]. Впрочем, применительно к 1950-м – первой половине 1960-х гг. можно вести речь скорее об элементе случайности – и КГБ, и даже сотрудники милиции знали о наличии фарцовщиков, однако не стремились вести с ними активную борьбу по причине, прежде всего, наличия более важных, как тогда казалось, проявлений преступности (в т.ч. и экономической). Позднее ситуация изменилась, и с фарцовщиками в Советском Союзе стали бороться так же, как и с иными проявлениями частного предпринимательства.

Элитой подпольного предпринимательства в СССР, вне всякого сомнения, являлись цеховики — организаторы подпольных производств. Закономерно, что успешная предпринимательская деятельность цеховиков попала в поле зрения лидеров советского криминального мира — воров в законе (преимущественно уроженцев Грузинской ССР). Последние взяли под контроль цеховиков, взимая с них дань и решая споры между ними. Кстати, лидеры преступного мира во многом взяли под свой контроль и иные виды экономической преступности того времени [Сухов, Тирских 2009: 68].

И здесь возникает важнейший вопрос о взаимоотношениях цеховиков и государственной власти. Очевидно, что такого рода дельцы весьма нуждались не только в криминальных, но также и коррупционных «крышах» [Успенский 2013: 60]. По мнению исследователей, «уже тогда [в 1960-е гг.] коррупция стала институционализироваться, проникая во властные структуры. В результате жестокие репрессии обрушивались на хозяйственников-цеховиков, а те номенклатурные администраторы, кому они платили взятки, оставались безнаказанными» [Тишков, Алабердеев, Латов 2007: 68]. Впрочем, нельзя утверждать о наличии обширных коррупционных связей у всех цеховиков. В своей работе, посвященной цеховикам, А. Нилов писал, что «мало кто из тех же цеховиков, пусть и очень крупного калибра, мог похвастаться, что находится в постоянных денежных отношениях с сотрудником ОБХСС. Как раз наоборот» [Нилов 2006: 65]. Впрочем, скорее такое положение дел было характерно прежде всего для «русских» регионов РСФСР (работа А. Нилова, кстати, посвящена прежде всего именно специфике нелегального крупного бизнеса именно на этой территории!). В других же регионах ситуация зачастую была совершенно иной [Устинкин, Шулгина, Гинзбург 2012: 30].

В первую очередь это касалось Узбекской ССР. Не случайно в период нахождения во главе СССР Ю.А. Андропова в условиях начавшейся борьбы с коррупцией «в качестве образцово-показательного полигона был выбран Узбекистан, где коррупцией были поражены практически все структуры власти: партийная, хозяйственная, правоохранительная и пр. Конечно, коррупция в СССР имела место во всех регионах, и Узбекистан не являлся исключением, но именно здесь коррупция пустила свои метастазы наиболее глубоко в государственном органе» [Полынов 2009: 63]. Кроме того, наличествуют сведения о поощрении цеховиков властными элитами закавказских союзных республик (особенно это касалось лидера Грузинской ССР В.П. Мжаванадзе), а также автономных республик Северо-Кавказского региона.

Таким образом, советская модель взаимоотношений власти и бизнеса представляла последнему еще меньше прав, нежели итальянская фашистская и немецкая национал-социалистическая (укажем также, что опыт Италии и Германии отчасти даже ближе к специфике отношений власти и бизнеса в отдельных авторитарных режимах). При этом во взаимоотношениях представителей предпринимательства (по большей части подпольного!) с властными структурами в советских реалиях большую роль играли не только коррупционные связи, но также и фактор слабости государственных органов в глубинке, равно как и стечение обстоятельств (см. описанный выше случай с фарцовщиками «первой волны»). Впрочем, не исключено, что в Италии и Германии при условии сохранения тоталитаризма также наблюдалось бы усиление теневой экономики и изменение отношений власти и бизнеса на вполне сходные с советскими.

Список литературы

Андрюхин Е.А. 2011. Интеллектуально-организационный потенциал развития предпринимательства в СССР в 50–80-х годах XX века. — *Ученые записки.*

Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3-1. С. 54-61.

Богданов С.В. 2013. Молодежь в сфере теневой экономики СССР (1917–1991 годы). — *Историческая психология и социология истории.* Т. 6. № 1(11). С. 62-72.

Боннел Э.Д. 2014. Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. — *Берегиня.* 777. *Сова: Общество. Политика. Экономика.* № 4(23). С. 173-182.

Васильев Д. 2007. *Фарцовщики. Как делались состояния. Исповедь людей «из тени».* СПб: Вектор. 188 с.

Гермаш Т.А. 2010. Корпоративизм в XX веке: эволюция политических систем. — *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС.* Сер. Политология и социология. № 2. С. 26-29.

Дахин А.В. 2010. Система «бизнес – власть»: теоретические вопросы становления в свете синергетического подхода. — *Власть.* № 11. С. 4-9.

Жданов П.С., Устинкин С.В. 2008. Этические аспекты действия современного права. — *Инновации в государстве и праве России: материалы международной научно-практической конференции* (отв. ред. А.В. Петров). Н. Новгород: НГУ. С. 110-113.

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (Снычев). 1995. *Самодержавие духа.* М.: Царское Дело. 349 с.

Кузнецов Е.В. 2008. *Одна жизнь менялась на другую.* Мемуары русского историка. Арзамас: АГПИ. 167 с.

Нилов А. 2006. *Цеховики. Рождение теневой экономики: записки подпольного миллионера.* СПб: Вектор. 157 с.

Новиков С.В. 2015. «Ахиллесова пята» социалистического общества и позиции социальных групп и слоев в ходе его трансформации (Исторический аспект). — *Омский научный вестник.* № 4(141). С. 5-8.

Паевская С.Л. 2015. Трансформация предпринимательства в России в историческом контексте. — *Проблемы теории и практики современной науки.* Материалы III Международной научно-практической конференции. НОУ «Вектор науки». М.: Спутник+. С. 193-209.

Пахомова Е.А. 2015. Становление российского бизнеса в 1990-е годы: Неоинституциональный аспект. — *Научное мнение.* № 5-3. С. 28-33.

Полынов М.Ф. 2009. Юрий Владимирович Андропов на посту Генерального секретаря ЦК КПСС: Основные направления преобразований. — *Общество. Среда. Развитие.* № 2. С. 58-71.

Сухов С.В., Тирских А.А. 2009. Исторический аспект возникновения преступных лидеров. — *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России.* № 3(50). С. 61-70.

Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. 2007. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ). — *Историко-экономические исследования.* Т. 8. № 1. С. 51-80.

Успенский В.А. 2013. Очерк истории предпринимательства в России. — *Мир новой экономики.* № 1. С. 55-61.

Устинкин С.В., Белоус В.И., Гинзбург Б.Л. 2012. Власть и общество в период хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.). — *Власть.* № 5. С. 129-133.

Устинкин С.В., Тимофеев Г.А. 2012. Раскол социума и нарастание социальной и межэтнической напряженности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. — *Власть.* № 6. С. 170-175.

Устинкин С.В., Шунина А.А., Гинзбург Б.Л. 2012. Партийно-советская номенклатура в условиях брежневской «кадровой стабильности». — *Власть.* № 7. С. 27-32.

Хавкин Б.Л. 2014. Германский национал-социализм. — *Берегиня.* 777. *Сова: Общество. Политика. Экономика.* № 4(23). С. 183-193.

GAKHRAMANOV Suraj Afgan oglu, postgraduate student at the Chair of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; surag7@rambler.ru)

THE TOTALITARIAN MODEL OF THE RELATIONSHIP OF GOVERNMENT AND BUSINESS: COMMON FEATURES AND DIFFERENCES

Abstract. The article is devoted to the issue of relations between business and government in the totalitarian states: Italy, Germany and the Soviet Union. The author identified common features and individual differences in the relationship of government and business there. He pays a special attention to the particular influence of relations between government and business on the development of the shadow economy in the USSR. The author makes conclusions about the particularly difficult situation of entrepreneurship in the USSR in comparison with totalitarian European states because of the «left» origin of Soviet totalitarianism. The article reflects factors of corruption and the scale of the country in the relationship between business and government in the USSR.

Keywords: government, business, totalitarianism, shadow economy, corporatism, anti-Semitism

УДК 327.

БАТАМАН Александр Владимирович – аспирант Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Полномочный Представитель Республики Абхазия в Приднестровской Молдавской Республике, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса (3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 76, abkhazia-prmr@mail.ru)

ТАТАРОВ Роман Александрович – аспирант Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (3300, Приднестровье, с. Глиное, ул. Победы, 80; tatarov-roman.93@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Аннотация. Выявление ключевых факторов, оказывающих влияние на процессы формирования и реализации национальных интересов Приднестровской Молдавской Республики, предполагает анализ всего спектра внешнеполитических условий и архитектуры международных и региональных отношений, проводимой внешней и внутренней государственной политики, роли политического лидера и связи политической и экономической элит с обществом. В ходе анализа необходимо дать характеристику внутреннего законодательства и его соотношения с международным правом как важных элементов формирования и реализации национальных интересов. Кроме того, необходимо учитывать, что в условиях де-юре непризнанности переходящие национальные интересы становятся жизненно необходимыми и первоочередными наравне с постоянными национальными интересами. В статье отмечается, что с учетом всех особенностей существования и развития Приднестровья, факторы, влияющие на формирование и реализацию национальных интересов ПМР, коренятся в геополитической, внешнеполитической и правовой областях.

Ключевые слова: национальный интерес, непризнанное государство, Приднестровье, регионализм, глобализм

Приднестровская Молдавская Республика на протяжении четверти века выступает в качестве актора международных и межрегиональных процессов в условиях неопределенного международно признанного статуса. Отсутствие